

Аксиологическое значение войны в патриотическом воспитании

Научный руководитель – Держивицкий Евгений Викторович

Гарвардт Мария Андреевна

Студент (бакалавр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: prongs741@gmail.com

Обращение к проблеме патриотического воспитания в контексте современной российской аксиологии обусловлено как минимум двумя радикальными тенденциями трансформации общественного сознания.

Во-первых, это последствия попытки освоения т.н. «либеральных западных ценностей», которые уже прочно ассоциировались с весьма неприглядной социально-экономической ситуацией 90-х годов прошлого века. Мировоззренческой парадигмой этих «ценностей» является метафизическое полагание приоритета «индивидуальных ценностей» по отношению к «общим интересам». Методологический смысл данного подхода с очевидностью состоит в устранении в общественном сознании диалектической связи общественного и индивидуального, как актуализации диалектики общего и частного.

В настоящий момент стали очевидны, как минимум два основания критического отношения к данной системе ценностей. В первую очередь стало ясно, что она создана «на вынос», а именно для распространения за пределами т.н. «западного мира». Внутри этого мира общие, т.е. политические интересы этот мир защищает не в пример более жёстко и даже жестоко, нежели пресловутые «индивидуальные ценности». Во вторую очередь стало с той же степенью очевидности ясно, что в материальном отношении возможности реализации этих самых «индивидуальных западных ценностей» обеспечиваются опять-таки общественным, т.е. политическим, принуждением общностей, не принадлежащих к означенному «Западу» к материальному содержанию этого «Запада» через политически созданную и политически же поддерживаемую систему финансово-технологической зависимости.

Во-вторых, обращение к теме войны детерминировано очевидным кризисом известных социальных институтов, в первую очередь - институтом национального государства. Предложенная тем же коллективным «Западом» идея передачи функций национального государства бизнес-структурам и институтам гражданского общества продемонстрировала свою полную несостоятельность в решении сколько-нибудь масштабных общественных проблем. Незаконные миграции, масштабные финансовые кризисы, терроризм и, наконец, пандемия показали полную беспомощность негосударственных образований перед этими глобальными вызовами истории.

Оставив в стороне известные «теории заговора», мы, на наш взгляд, вполне обоснованно можем утверждать, что в России идея отказа от национального государства потерпела фиаско. Не смотря на, видимо, неустранимые недостатки в виде коррупционно-бюрократических aberrаций и извращений, институт национального государства, похоже не имеет сегодня сколько-нибудь внятной альтернативы. Однако сама идея национального государства никогда не была для России традиционной или хотя бы самоочевидной, как, к примеру, для той же Европы. Вплоть до конца XVII века державная самоидентификация на Руси проводилась не политическим, а по этно-религиозным основаниям. Воины шли в бой под лозунгом «За Русь святую!», государственность не рассматривалась в качестве консолидирующей идеи. Попытка императора Петра Алексеевича изменить

металльный код государственной самоидентификации так же не принесла искомого результата. Стержнем державного самоосмысления стало не государство, а фигура самого государя «отца Отечества» (далее - «матушки императрицы» и т.п.). В ментальной картине мира институт государственности в России подменяется институтом семьи. Попытка М.Т. Лорис-Меликова сформировать-таки наконец-то институциональные основания национально-государственной самоидентификации через развитие парламентаризма в виде идеи «земского собора» так же оборвалась бомбами народовольцев и нерешительностью Александра III в продолжении идей своего отца. Большевицкая идея государственности, также оказавшаяся в перспективе нежизнеспособной, основана не на национальных, а на интернационально-классовых категориях.

Формирование, или скорее формулирование национальной идеи - одна из тех задач государства, от решения которых зависит его, государства, существование в социальном контексте. Проживание на одной территории в данном аспекте является недостаточным для политической консолидации общества, его оформления в качестве нации, необходима единая идентификационная парадигма. По нашему наблюдению, негативная мотивация («нужно объединиться, иначе будет плохо») работает эффективно только в коротком промежутке времени, поэтому для развития государства необходимы позитивные примеры из истории или цели, такие как достижения или подвиги.

Попытка формирования национальной идеи на основе образа трудовых подвигов 1930-х годов, восстановления страны в 40-е годы наряду с памятью о подвигах на фронте имела место в 60-х - 70-х годах XX века. Однако, удачным этот опыт формирования национальной идеи (или её прообраза) назвать вряд ли возможно. Во-первых, война ещё не была ни историей, ни легендой, её участники хранили память не о подвигах, а о пережитом страхе и лишениях. Во-вторых, трудовые свершения, даже если они сродни подвигу, отнюдь не подразумевают неизбежной жертвенности, напротив, предполагают вполне определённый хозяйственно-экономический результат, т.е. вполне конкретные блага.

Значение образа войны как сакрализующего фактора национальной идеи отмечали такие классики как И. Кант и особенно Г. Гегель. Несмотря на разницу в подходах к самому феномену войны (как выведенному из поля моральной рефлексии политическому процессу у Гегеля и морально недопустимому ни в одном случае, кроме «последней войны», у Канта), оба мыслят войну как носителя сознания национальной идеи. В русской традиции наиболее последовательно развернул эту идею Н.А. Бердяев. Для него война с одной стороны «неотвратимый и роковой момент в развитии и диалектике империализма», а с другой - актуализация достоинства нации выше благополучия людей, что позволяет говорить об исторической ценности нации. Эту ценность приходится утверждать жертвенно, и жертва сакральна, поскольку выше жизни человека встает что-то еще. И.А. Ильин в свою очередь ставит вопрос следующим образом: готов ли гражданин жертвовать своей жизнью ради государства? Если да - нация существует.

Значимость войны в исторической памяти, как «то, что мы смогли» и в историческом сознании как «то, на что мы готовы» как основании патриотического воспитания косвенно доказывает также переосмысление и попытки переоценки результатов Второй Мировой войны.

Парадоксально, что «под огнем» осуждения здесь оказались в первую очередь два противоборствующих в этой войне государства - современная Германия и пост-СССР. Вопрос о «немецкой вине» за преступления нацизма, сформулированный еще К. Ясперсом в 1946 году, остается актуальным и сегодня, хотя к единому мнению о фигуре обвиняемого (преступники, потомки, все довоенное общество и т.п.) исследователи не пришли. А попытки принизить значение Советского Союза в Победе (преувеличение значения пакта Молотова-Риббентропа перед подобными соглашениями Третьего Рейха с другими странами,

демонизация героев, кейсы вроде поздравления Белого Дома с Днем Победы без упоминания СССР в числе держав-победителей) демонстрируют попытки обесценить военную историю и лишить национальное сознание важной точки опоры.

Источники и литература

- 1) Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
- 2) Гегель Г. Философия права. М., 2000.
- 3) Ильин И.А. Духовный смысл войны. М., 1915
- 4) Кант И. Сочинения в шести томах. М., 1966
- 5) Ясперс К. Вопрос о виновности. М., 1999